

Эдуард Эдуардович Шульц,

кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий (Россия), e-mail: nuap1@yandex.ru

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ

В статье рассматривается проблема легитимности революции вообще и Русской революции 1917 г. в частности. В этой проблеме можно выделить две составляющие — легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного правительства. Вторая легитимность сильнее всего разделяет общество, что подтверждается примерами правительств якобинцев в Великой французской революции и большевиков в Русской революции. Русская революция в февральской и октябрьской своих частях, как и все ее предшественницы, в своей легитимности опиралась на действующий законодательный орган и на право силы. Особенности Русской революции заключались в том, что крайне левые в лице большевиков, в отличие от якобинцев, смогли удержать власть, получив достаточную социальную поддержку. Таким образом, они победили в Гражданской войне и получили уставшее после длительного периода неурядиц общество, которое в массе своей жаждало мира и признавало новую власть или готово было ее терпеть.

Ключевые слова: Русская революция, революция 1917, теория революции, социология революции, легитимность революций.

Eduard Eduardovich Shults,

Kandidat of Political Science, Director, Center for Political and Social Technologies (Russia), e-mail: nuap1@yandex.ru

THE RUSSIAN REVOLUTION AND THE PROBLEM OF LEGITIMACY

This article is devoted to the problem of the legitimacy of revolution in general and of the Russian revolution of 1917 in particular. The problem of legitimacy of revolutions may be divided into two components: first, the legitimacy of anti-government protests; and secondly, the legitimacy of the new revolutionary government. The second point divides society into uncompromising camps, which happened to the government of the Jacobins in the French Revolution and to the government of Bolsheviks after Russia's October Revolution — and still divides Russian society today. The Russian revolution of 1917, in its February and October segments, based its legitimacy — as had all its predecessors — on the existing

legislature and on the right of force. The particular feature of the Russian Revolution was that the extreme left, represented by the Bolsheviks, was able, unlike the Jacobins, to retain power thanks to sufficient societal support. Thus they were able to win the civil war, first, and secondly, to take over a society that was exhausted after a prolonged period of disorder and which, in its majority, was eager for peace — and therefore either accepted the new power or was prepared to tolerate it.

Key words: Russian Revolution, revolution of 1917, theory of revolution, sociology of revolution, legitimacy of revolutions.

В год 100-летнего юбилея Русской революции совершенно ясно, что тема революций вообще и Русской революции в частности не утрачивает своей актуальности, особенно ввиду нерешенности огромного количества исследовательских вопросов¹. Одним из ключевых вопросов русской революции является проблема ее легитимности, актуальность которой сохраняется по сей день и разделяет российское общество и часть русского мира на два непримиримых лагеря.

Представление о существовании легитимного порядка является краеугольным камнем социального поведения². Подрыв и исчезновение веры в справедливость и законность, в легитимность правительства и справедливость системы — основа протеста против власти. И здесь следует согласиться с Т. Гарром, что «легитимность правительств — это главная детерминанта того, будет ли народный гнев направлен против властей или канализирован в другого рода акции»³. Проблема легитимности власти и ее дефицита в случае смены политической системы и нарушения преемственности правителей рассматривалась Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Юмом, Ф. Гизо, М. Вебером⁴. Однако проблема легитимности в революции

¹ См.: Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83; *Он же*. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61; *Он же*. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1 (198). Вып. 33. С. 167–172; *Он же*. Русская революция и проблема модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2015. № 3. С. 7–17.

² См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 636.

³ Гарт Т.П. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С. 34.

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 636; Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. С. 66, 68–69; Гоббс Т. Философские основания учения о гражданстве. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. С. 159; Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 133; Юм Д. О торговле // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 664.

отличается от нее тем, что здесь речь идет не только о легитимности существующей власти, но и о легитимности (т.е. социальной поддержке) протестных выступлений и свержения правительства, а также каждого нового революционного правительства. Это проблематика почти не получила освещения в политической науке, особенно применительно к Русской революции.

В проблеме легитимности революции можно выделить две составляющие — легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного правительства. Легитимность борьбы с тираническим правлением признавалась в философской и общественной мысли еще Платоном и Аристотелем, и эта идея была подхвачена и развита деятелями Просвещения. Начиная с Великой французской революции, последующие революции стали восприниматься как справедливая война народа против тирании. Показателен текст Марсельезы — гимна французских революций, ставшего в измененном виде и гимном Русской революции. В ней власть называется тиранией гнусных деспотов, желающих рабства своим подданным, а народ призывается к восстанию против такой власти. Маркс считал, что легитимность создает сама революция⁵, так же считал и В.И. Ленин: «Русским рабочим, — писал он, — выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей»⁶. Высший авторитет — это «авторитет вооруженного народа», утверждал Ленин⁷.

Анализ источников по крестьянским волнениям 1905–1907 гг. в России привел О.А. Сухову к очень интересным наблюдениям. В качестве важнейших условий в рапортах уездных исправников называлась «сила примера», т.е. примера других бунтующих из соседних деревень, волостей и т.д. Дополнительным стимулом становилось отсутствие незамедлительной реакции со стороны карательных органов⁸. Следует отметить, что пример уже существующих антиправительственных выступлений легитимизирует новые выступления. Так было не только с крестьянским бунтом, но и с распространением забастовочного движения и мятежей в частях и гарнизонах.

⁵ Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. С. 120–121.

⁶ Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. С. 67.

⁷ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. С. 249.

⁸ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. С. 559–561, 564–566, 571.

Итак, легитимность антиправительственных выступлений обеспечивается верой, что действующее правительство тираническое и несправедливое и что его свержение справедливо. Это убеждение легитимизируется в ходе протестных выступлений. Революция легитимна ввиду того, что несет обновление и новое, более справедливое общество. Однако легитимность самой революции не дает легитимности каждому революционному правительству. Переворот легитимизирует любой новый переворот. Именно этот принцип лежит в основе известного постулата, что революция пожирает своих собственных детей: каждое революционное правительство испытывает дефицит легитимности, а новые перевороты становятся возможными в силу потребности в восстановлении справедливости и индифферентности общества.

Людовик XVI, поставив свою подпись под текстом конституции, присягнул ей на верность и выпустил манифест по случаю самороспуска Учредительного собрания, где провозгласил: «Революция закончилась!» После этого французского короля все представители власти, пошедшие на уступки, или революционеры, захватившие власть и начавшие или осуществившие свои реформы, подобным образом заявляли об окончании революции.

«Правильными революциями» называют те, правительства которых удастся свергнуть после достижения намеченных существующими элитами результатов. Любой неконтролируемый бунт обвиняется в бессмысленности восстания черни и прочих ужасах. Отсюда восхищение англичан «славной революцией», критическое отношение к революции 1640–1660 гг., неприятие Великой французской революции как в период самой революции (Англия выступила инициатором интервенции во Францию для подавления революции), так и после нее. Этот же принцип лежит в основе разделения на «хорошую Февральскую» и «плохую Октябрьскую» революции в России 1917 г. Однако на нем же основан и обратный подход в оценке этих же событий. Каждое правительство объявляет революцию незаконным актом, направленным против порядка и общества. Революционные правительства применяют те же эпитеты и понятия, чтобы предотвратить завершение революции, якобы добившейся победы и необходимых изменений. Это будет происходить с каждым правительством революционной Франции 1789–1799 гг.; в революции 1848 г. во Франции (разгон июньского восстания); в Русской революции после февраля, когда все составы Временного правительства считали дальнейшую революцию, к которой призывали большевики, бессмысленной; и после октября, когда уже большевики разгоняли Учредительное собрание и устраивали террор против левых эсеров и т.д.

Во время Февральской революции «восставшие» обратились к единственному представителю власти — Государственной Думе. Депутаты во главе с председателем Думы М.В. Родзянко переложили ответственность на Временный комитет Государственной Думы, который назвал имена членов нового правительства⁹. Дума фактически самораспустилась, так и не начав свою сессию, приостановленную еще отрешившимся императором. Вакуум власти был заполнен Петроградским советом. Вакуум власти возник не только потому, что никто ее не мог окончательно захватить, но и потому, что никто не обладал достаточным авторитетом и силой для усмирения бунта и руководства страной, т.е. легитимностью и достаточной социальной поддержкой. Именно этот принцип привел к «двоевластию» в России 1917 г.

Проблему легитимизации не следует путать с вопросом преемственности власти или соответствия ее действий принципам демократического устройства государства. Председатель Государственной Думы Родзянко, рассуждая о преемственности власти, удивлялся, что оказался не у дел¹⁰. До I Съезда советов ЦИК Петроградского совета правил от лица всех советов, при том что его возглавляли меньшевики и эсеры и отсутствовала пропорциональная система представительства. Сообразно этой логике «легитимности» был построен и процесс большевизации советов и дальнейшего сращения советской и партийной структур.

На протяжении 1917 г. можно наблюдать существенные психологические изменения с точки зрения определения легитимности власти. Так, в формировании Временного правительства принимали участие и представители Государственной Думы — законодательного органа Российской империи — и представители «революционной толпы», оформившиеся как ИК Петроградского совета. Первым руководителем Временного правительства стал князь Г.Е. Львов, принадлежавший к Рюриковичам. Таким образом, «воля толпы» («улицы») была уравновешена стремлением обеспечить преемственность власти и ее легитимность. В процессе развития революционной ситуации часть деятелей Государственной Думы, наиболее связанных с прежним режимом, сошли со сцены, а во главе правительства стал А.Ф. Керенский — социалист (трудолик), который «олицетворял» революционные массы (так он позиционировал себя и так его воспринимали далекие от «улицы» политические деятели), выступал

⁹ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции: В 22 т. / Изданный И.В. Гессеном. Т. 6. Берлин: Слово, 1922. С. 65.

¹⁰ Там же.

«представителем революции, — по словам Л.Д. Троцкого, — как бы в качестве ее полномочного посла»¹¹.

Постепенно акцент смещался в сторону легитимности давления «улицы». Именно это обеспечило советам возможность диктовать свою волю, которая выдавалась за волю народа. Это не составляло больших проблем, так как бунт и «улица» не представляют монолитной силы с общими политическими решениями. Политические решения принимают партии (в широком значении), получающие возможность власти в ходе протестного давления. Пока руководящие должности в советах принадлежали меньшевикам и эсерам, советы проводили линию на поддержку правительства, а оппозиционные большевики «проводили атаку» на правительство, стремясь перераспределить власть в советах. Добившись власти в Петроградском совете, большевики лишили Временное правительство легитимности, сменили его и обеспечили легитимность новому правительству — СНК (которое тоже называло себя временным). Этот процесс происходил на фоне все большего крена в сторону легитимности «улицы» и «человека с ружьем», поэтому ни захват большевиками власти в советах (и дальнейшая манипуляция составами советов), ни смена одного правительства на другое не вызвали возражений основной протестующей массы (в данном случае — гарнизонов, превратившихся к октябрю 1917 г. больше в солдатско-матросскую вольницу, и рабочих).

Что касается легитимизации Лениным событий переворота 25 октября, то здесь примечательны следующие факты. Съезд советов не выбирает новое правительство, пока не взят Зимний и не арестовано Временное правительство (это было сделано для расследования его связи с Корниловским мятежом)¹². Легитимность захвата власти Ленин стремился обеспечить советами, выставляемыми как истинно народная власть в противовес буржуазному Временному правительству. СНК, сформированный Лениным в качестве нового правительства, мало чем отличался от Временного правительства: такое же правительство, только из других двух партий, так же получившее поддержку советов, как и предыдущее. В резолюции Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов записано, что «для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания», создается «временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль за правительством

¹¹ Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 193.

¹² См.: То же. Т. 2. Ч. 2. М.: Терра, 1997. С. 281.

будет осуществлять ЦИК Советов (так же, как de facto было и с Временным правительством)¹³. Сам Ленин до января 1918 г. называл свое правительство «временным рабочим и крестьянским правительством», а признанной властью считал советы¹⁴. В дальнейшем он заявлял, что «Социальную революцию выдумали не мы, — ее провозгласили члены съезда советов, — никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена»¹⁵. При этом все принятые законы, в том числе декреты «О мире», «О земле», «Положение о рабочем контроле», Ленин от лица СНК обязуется вынести на обсуждение и утверждение Учредительного собрания¹⁶. Большевики еще не были уверены в прочности своего положения, поэтому продолжали апеллировать к Учредительному собранию, как признанному всеми партиями будущему законодательному органу. Опираясь Ленин и на результаты выборов в Учредительное собрание, указывая, что даже в период, когда большевики были в опале и не могли полноценно участвовать в выборах, партия получила 25 % голосов в Учредительное собрание.

Опора на советы (Петроградский совет и Второй съезд советов) позволяла Ленину утверждать: «Поэтому абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство не есть Советское правительство. Напротив, только большевистское правительство может быть теперь, после Второго всероссийского съезда советов, впредь до созыва третьего, или впредь до перевыборов советов, или впредь до составления нового правительства Центральным Исполнительным Комитетом, — только большевистское правительство может быть теперь признано Советским правительством»¹⁷.

Лишение части населения избирательных прав, запрет оппозиции, перевыборы депутатов, проводившиеся в советах с января 1918 г.

¹³ Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 28.

¹⁴ Ленин В.И. Ответ на запросы крестьян // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 68.

¹⁵ Ленин В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 54.

¹⁶ Декрет о земле // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 24; Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 17.

¹⁷ Ленин В.И. От Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 73.

в пользу большевиков и вошедшие в советскую историографию как «триумфальное шествие Советской власти», привели к утрате новой властью поддержки большей части общества, что вызвало Гражданскую войну в стране с лета 1918 г.

В оценке отношения к Русской революции показательными будут примеры из предшествующих двух великих революций — Английской и Французской. Так, англичане вычеркнули с конца XVII до XIX в. из своей истории период революции 1640–1660 гг.: «Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората»¹⁸. Настоящей революцией были признаны события 1688 г., когда произошел переворот против короля Якова II Стюарта, а на английский престол приглашен Вильгельм Оранский, вошедшие в историю под именем «славной революции», а за событиями 1640–1650 гг. закрепился образ кровавой смуты: «В сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя “славной” революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов»¹⁹.

Споры в обществе, а не только научные дискуссии, по поводу Великой французской революции продолжают по сей день во Франции. Историк Ф. Фюре в 1978 г., подводя итог двум столетиям восприятия этого эпохального события, писал: «По прошествии почти двухсот лет история Французской революции продолжает заниматься проблемой происхождения и, следовательно, национальной самоидентификации. В XIX в. эта история почти сливается с самим описываемым предметом, поскольку начавшаяся в 1789 г. драма разыгрывается вновь и вновь, с каждым новым поколением, и вокруг одних и тех же ставок, одних и тех же символов, и превращается или в идола, или вызывает лишь ужас и отвращение»²⁰.

Большевиков называли русскими якобинцами (такие же аналогии проводил и сам Ленин), у них были близкие позиции, идеи, методы, но их принципиально отличало то, что большевики победили и легитимизировали «свою революцию», а якобинцы были свергнуты, казнены и подвергнуты проклятию. В Европе и США доминирует

¹⁸ *Савин А.Н.* Лекции по истории Английской революции. 2-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 5, 12.

²⁰ *Фюре Ф.* Постигание Французской революции: Пер. с фр. СПб.: Инапресс, 1998. С. 16.

резко негативное отношение к якобинцам как в историографии, так и в художественной литературе. Во Франции большинство не считает их героями революции. Вот как сетовал на это советский историк Французской революции А.З. Манфред: «Все политические партии и группировки, все нюансы политической мысли — от Мирабо и Лафайета до Дантона включительно — все это остается по эту сторону, все это официально признано, освоено, исследовано французской университетской наукой. Это увековечено бронзой памятников, названиями улиц и кинотеатров, академическими изданиями, десятками защищенных докторских диссертаций. Все же, что левее Дантона — от Робеспьера и Марата до кордельеров и Жака Ру, — еще остается как бы официально не признанным. Те же зрительные впечатления в Париже дают тому подтверждения. Пройдите по улице Старой Голубятни. Здесь некогда, накануне и в начале революции, обитал Жан-Поль Марат. Но тщетно было бы искать среди великого множества вывесок, объявлений, плакатов, покрывающих стены домов старинной улицы, маленькую дощечку, напоминающую о том, что здесь жил Друг народа. Ее нет. Мне довелось как-то спросить профессора Марселя Рейнара, возглавлявшего кафедру истории Великой французской революции в Сорбонне и жившего недалеко от улицы Старой Голубятни, почему нет мемориальной доски на доме, где жил Марат. Он развел руками. “Марат? Но муниципалитет не пойдет на увековечивание памяти Марата...” Это было понятно. Имя Марата тоже находится по ту сторону границы добра и зла...»²¹.

Память о большевиках в виде памятников, названий населенных пунктов, районов, улиц, объектов архитектуры и т.д. сохраняется в современной России, где общество сильно разделено на два непримиримых лагеря по отношению к революции 1917 г.

Историю пишут победители. Якобинская диктатура пала и была проклята соотечественниками, превратившись в объект исторических исследований. Большевики победили и монополизировали Русскую революцию, которая теперь прочно связана с их именем.

Проблема легитимности выступлений против власти обеспечивается пониманием справедливости требований и негодности правительства, ведущего несправедливую («антинародную») политику, а также ожиданиями от революции более совершенного и лучшего общества. Однако легитимность революции (перемен) не обеспечивает беспрекословную легитимность любого революци-

²¹ Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983. С. 210–211.

онного правительства, поэтому несмотря на то что революция не признает преемственности власти и стремится эту власть кардинально изменить, почти все революции XVII–XX вв. на первом этапе «опирались» на существующий законодательный орган. Именно проблемы легитимности любой революционной власти привносили во многие революции феномен сохранения (в конституционной форме) или последующей реставрации монархии (чего не произошло в Русской революции). В течение многих лет и даже десятилетий легитимность революции вызывает сомнение у части общества. Легитимизация последствий революции происходит, когда сама революция становится «авторитетом “вечно вчерашнего”» (формулировка М. Вебера) и легальной в силу установления созданных правил, а принцип узурпаторства сменяется на принцип законной и уважаемой власти. Все эти принципы были в полной мере характерны для Русской революции.

Особенности Русской революции, с точки зрения рассматриваемых вопросов, заключались в том, что крайне левые в лице большевиков, в отличие от предшественников-якобинцев, смогли удержать власть и, во-первых, победить в Гражданской войне, а во-вторых, удовлетворить интересы уставшего после длительного периода неурядиц (четыре года Первой мировой и четыре года Гражданской войн) общество, которое в массе своей жаждало мира, признавало новую власть или готово было ее терпеть. Хотя следует отметить, что протестные выступления против большевиков происходили в армии, на флоте, в крестьянской среде и среди рабочих и стали стихать только к концу 1920-х гг.²² Для одних легитимизация была основана на вере в строительство новой жизни, для других — на нежелании силового противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007.

Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Декрет о земле // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 24–27.

²² См.: Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 352–356; Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. С. 154–157

Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 13–18.

Ленин В.И. От Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевики). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 72–76.

Ленин В.И. Ответ на запросы крестьян // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 68–69.

Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. С. 235–338.

Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. С. 67–71.

Ленин В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 53–55.

Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: Директ-Медиа, 2012. С. 93–462.

Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983.

Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. С. 109–134.

Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 28.

Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции: В 22 т. / Изданный И.В. Гессеном. Т. 6. Берлин: Слово, 1922. С. 62–73.

Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. 2-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.

Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008.

Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М.: Терра, 1997.

Фюре Ф. Постыжение Французской революции: Пер. с фр. СПб.: Инапресс, 1998.

Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004.

Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61.

Шульц Э.Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1 (198). Вып. 33. С. 167–172.

Шульц Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2015. № 3. С. 7–17.

Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014.

Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.

Юм Д. О торговле // Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 2. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 642–656.

REFERENCES

Churakov, D. O. *Revoliutsiia, gosudarstvo, rabochii protest: formy, dinamika i priroda massovykh vystuplenii rabochikh v Sovetskoii Rossii. 1917–1918 gody*. Moscow: ROSSPEN, 2004.

“Dekret o zemle,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 24–27.

Furet, F. *Postizhenie Frantsuzskoi revoliutsii*, transl. St. Petersburg: Inapress, 1998.

Guizot, F. *Istoriia tsivilizatsii v Evrope*. Moscow: Territoriiia budushchego, 2007.

Gurr, T. R. *Pochemu liudi buntuiut*. St. Petersburg: Piter, 2005.

Hobbs, T. *Filosofskie osnovaniia ucheniia o grazhdanine*. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, 2001.

Hume, D. “O torgovle,” In: Hume, D. *Sochineniia*, Vol. 2, 2nd ed. Moscow: Mysl’, 1996, pp. 642–656.

Lenin, V. I. “Doklad o mire 26 oktiabria (8 noiabria),” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 13–18.

Lenin, V. I. “Ot Tsentral’nogo komiteta Rossiiskoi sotsial-demokraticheskoi rabochei partii (bol’shevikov). Ko vsem chlenam partii i ko vsem trudiashchimsia klassam Rossii,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 72–76.

Lenin, V. I. “Otveta na zaprosy krest’ian,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 68–69.

Lenin, V. I. “Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 37, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1969, pp. 235–338.

Lenin, V. I. “Rech’ po voprosu pechati. Zasedanie VTsIK 4 (17) noiabria 1917 goda,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 53–55.

Lenin, V. I. “Revoliutsiia v Rossii i zadachi rabochikh vsekh stran,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 31, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1969, pp. 67–71.

Machiavelli, N. “Rassuzhdeniia o pervoi deкаде Tita Liviiia,” In: Machiavelli, N. *Gosudar’*. Moscow: Direkt-Media, 2012, pp. 93–462.

Manfred, A. Z. *Velikaia Frantsuzskaia revoliutsiia*. Moscow: Nauka, 1983.

Marx, K. “Burzhuaziia i kontrrevoliutsiia,” In: Marx, K., and Engels, F. *Sochineniia*, Vol. 6, 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1957, pp. 109–134.

“Postanovlenie ob obrazovanii rabocheho i krest’ianskogo pravitel’stva,” In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 35, 5th ed. Moscow: Politizdat, 1974, pp. 28.

Rodziaanko, M. V. “Gosudarstvennaia Duma i Fevral’skaia 1917 goda revoliutsiia,” *Arkhiv russkoi revoliutsii*, ed. I. V. Gessenom, Vol. 6. Berlin: Slovo, 1922, pp. 62–73.

Savin, A. N. *Lektsii po istorii Angliiskoi revoliutsii*, 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo, 1937.

Shults, E. E. “Klassovyi podkhod’ i ‘proletarskii kharakter’ revoliutsii 1917 goda v Rossii,” *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriiia “Istoriia Rossii”*, No. 3, 2014, pp. 47–61.

Shults, E. E. “‘Teoriia revoliutsii’: k istorii izucheniia, sistematizatsii i sovremenomu sostoiianiiu,” *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika”*, No. 1 (198), Iss. 33, 2015, pp. 167–172.

Shults, E. E. “Russkaia revoliutsiia i problema modernizatsii,” *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya “Istoriia Rossii”*, No. 3, 2015, pp. 7–17.

Shults, E. E. “Tipologiya revoliutsii: istoriia sozdaniia i sovremennoe sostoiianie,” *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, No. 1, 2014, pp. 65–83.

Shults, E. E. *Tekhnologii bunta (Tekhnologii upravleniia radikal’nymi formami sotsial’nogo protesta v politicheskom kontekste)*. Moscow: Podol’skaia fabrika ofsetnoi pechati, 2014.

Sukhova, O. A. *Desiat’ mifov krest’ianskogo soznaniia: Ocherki istorii sotsial’noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest’ianstva (konets 19 — nachalo 20 veka) po materialam Srednego Povolzh’ia*. Moscow: ROSSPEN, 2008.

Trotskii, L. D. *Istoriia russkoi revoliutsii*: In 2 vol. Moscow: Terra, 1997.

Weber, M. “Osnovnye sotsiologicheskie poniatia,” In: Weber, M. *Izbrannye proizvedeniia*, transl. Moscow: Progress, 1990, pp. 602–643.

Муса Гасымлы,

доктор исторических наук, профессор, директор Института кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, e-mail: musa_gasimli@hotmail.com

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ АНТАНТЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (МАРТ — ДЕКАБРЬ, 1917 Г.)

Исследование показывает, что события на Южном Кавказе после Февральской революции развивались под влиянием нескольких факторов, среди которых — стремление к политическим свободам и автономии, наличие трех правительств, путаница и хаос в регионе, борьба двух конкурирующих блоков за доступ к ресурсам региона. Главные цели стран Антанты заключались не в том, чтобы восстановить свергнутое Временное правительство, а в том, чтобы свергнуть большевистское правительство, разбить Россию и получить доступ к ее природным ресурсам. Страны Антанты, укрепляя свое военное, политическое и экономическое присутствие на Южном Кавказе и сотрудничая с антибольшевистскими элементами, стремились обеспечить контроль за Каспийским и Бакинским портами. Таким образом, эти страны должны были контролировать не только торговлю бакинской нефтью, но и все маршруты, ведущие к Центральной Азии и Индийскому океану.

Ключевые слова: *Февральская революция, страны Антанты, Россия, Южный Кавказ, США, Великобритания, Франция, Азербайджан, бакинская нефть, Грузия, большевики, советы, национальные советы.*

Musa Gasimli,

Doctor of History, Professor, Director, Institute of Caucasus Studies, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan), e-mail: musa_gasimli@hotmail.com

THE FEBRUARY REVOLUTION AND ENTENTE POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS (MARCH — DECEMBER, 1917)

This study maintains that the events in the South Caucasus after the February Revolution developed under the influence of several factors, among them the desire for political freedoms and autonomy, the presence of three governments, confusion and chaos in the region and the struggle of the two competing blocs for access to the resources of the region. The main goals of the Entente countries were not to restore the overthrown Provisional government, but to overthrow the Bolshevik government, break up Russia and to gain access to its natural resources. The Entente countries, strengthening their military, political and economic presence in the South Caucasus